

Цикл стихотворений В.Д.Берестова о войне

Полная подборка стихотворений
Алфавитный указатель – последние 4 слайда.

Нет иллюстрации!

- пока к этому стихотворению нет иллюстраций.

Цикл стихотворений Валентина Берестова

(Самое полное собрание стихотворений
на сайте: www.berestov.org)

Наиболее известные: «Великан», «Ей дали порядковый номер...», «Калуга, 1941», «Бумажные кресты», «Эшелоны сорок первого», «Щель», «Портрет Адольфа Гитлера», «Портрет», «Проводы», «Светлячок», «Прятки», «Сны сорок третьего», «Один лишь раз и то в начале детства...», «А как мы фронту помогали?..», «В такие дни природа красотою...», «Ташкентский адрес», «Мы измаялись в разлуке», «Костик», «Мирная считалка», «Повестка после Победы», «Мир» и другие.

Нет иллюстрации!

**Ужасен кровью ты, двадцатый век!
Война кипит по всей земле обширной.
Но в бедствиях велик настолько человек,
Насколько незаметен в жизни мирной.**

1942, 1973

Нет иллюстрации!

**В бой провожая сына своего,
Как горестно седая мать рыдает,
Но за святую Родину его
Дрожащею рукой благословляет.**

**Как детям тяжело любимого отца
Утратить навсегда еще в начале жизни,
Но и они напутствуют бойца:
«Иди, отец, и верен будь отчизне!»**

1942, 1973

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Нет иллюстрации!

Мы жили в то время в нейтральной стране
И не принимали участия в войне,
И слушали сводки,
Как чьи-то подлодки
Всплывали со дна, задыхались на дне.

1974

РОКОВАЯ ЧАША

Нет иллюстрации!

Война! Секирой над головою
Ее внезапная прямота.
Весть о ней чашею круговую
Переходила из уст в уста.
И все мы пригубили, все мы выпили
Из чаши грозившей каждому гибели.
И каждый, кто ждал ее поздно иль рано,
В то утро был ею застигнут врасплох.
И каждый по-своему, все были пьяны,
Все дико; и крик, и молчанье, и вздох.
И если иные с сухими глазами
Молчали, предвидя жребий свой,
И если, захлебываясь слезами,
Плакали женщины наперебой,
То мы от убийственного вина
Носились по улицам в шумном веселье,
Самозабвенно кричали «Война!»,
Наслаждаясь тупым металлическим звоном
Слова этого, эхом сырым повторенным,
Пока не пришло похмелье...

1943

Нет иллюстрации!

Ей дали порядковый номер. Сполна,
По титулам называя,
Парадно её именуют — Война
Вторая Отечественная, Мировая.
И люди словно привыкли к ней,
Томясь повседневной бедой и славой,
Как ожиданием (столько дней!)
В вокзальной сумятице и суетне
Задерживающегося состава.
1943

Нет иллюстрации!

«В такие дни природа красотою...»
В такие дни природа красотою
Не погрузит в лирические сны.
Закат, горя каймою золотою,
Напомнит кровь и зарева войны.
А там, в эфире вечном и безмолвном,
Который скрыла неба синева,
Я знаю, нет преград радиоволнам,
Несущим миру страшные слова.
1942

КОСТИК

Нет иллюстрации!

Кто помнит о Костике,
Нашем двоюродном брате,
О брате-солдате,
О нашей давнишней утрате.
Окончил он школу
И сразу погиб на войне.
Тебе он припомнился,
Мне он приснился во сне.
В семейных альбомах
Живёт он на карточке старой,
Играть не играл он,
Но снят почему-то с гитарой.
И что-то важнее,
Чем просто печаль и родство,
Связало всех нас,
Кто ещё не забыл про него.

1968

РУБАХА

Нет иллюстрации!

Родители-то разные, а бабушка одна.
И брата из деревни к нам привезла она.
И был я, шестилетний, ему всех больше рад.
Учился на учителя двоюродный мой брат.
Какой он был весёлый! Какой он добрый был!
Какие он рубахи красивые носил!
Пришёл в рубахе белой. И на крыльце у нас
Мы на часы собора глядели битый час.
И перед тем как мама сказала: «Марш в кровать!»,
Мы научились время по стрелкам узнавать.
Потом в рубахе синей за мною он пришёл,
Привёл к другим студентам и усадил за стол.
И диктор, как учитель, для всех повёл рассказ.
Так громкоговоритель я слушал в первый раз.
Но вот в рубахе чёрной мой брат явился в дом,
И отпустила мама в деревню нас вдвоём.
Ах, у рубашки новой один большой секрет:
В корыте с краской в кухне она меняла цвет.
И вновь она – смотрите! – как новая глядит.
А громкоговоритель всё строже говорит...
Брат милый, с поля боя не возвратился он.
Серебряной трубою сияет граммофон.
Любимая пластинка, шипя, по кругу шла:
«Стаканчики гранёные упали со стола».
В избе раскрыты окна. Под окнами – друзья.
«Упали и разбились, как молодость моя».

1981

ВИНТОВКА

Нет иллюстрации!

Из дерева вырезал ловко
Приклад, затвор и курок.
Вылил на эту винтовку
Лиловых чернил пузырек.
Лиловой винтовкой, не скрою,
Я сам восхитился всерьез
И перед военной игрою
Винтовку тебе преподнес.
Винтовка лиловой окраски.
Цветы на замерзшем окне.
При всех к командирской повязке
Звезду пришивала ты мне.
Жаль, помешала погода
Сражение в бору провести.
Февраль сорок первого года.
Метель заметает пути.

1978

БУМАЖНЫЕ КРЕСТЫ

Полоски из бумаги мать резала красиво.
И чтоб волна взрывная окно не разнесла,
Наклеила крест-накрест, чтоб ровно, чтоб не криво
Полоски прилипали к поверхности стекла.

И с улицы на окна глядела так ревниво,
Чтоб люди не судили, чтоб красота была,
Как будто бы не бомбу, не смерть, не грохот взрыва, –
Гостей из-за границы придирчиво ждала.

1986

ВЕЛИКАН

Я в детстве дружил с великаном.
Нам весело было одним.
Он брёл по лесам и полянам.
Я мчался вприпрыжку за ним.

А был он заправским мужчиной
С сознанием собственных сил,
И ножик вертел перочинный,
И длинные брюки носил.

Ходили мы вместе всё лето.
Никто меня тронуть не смел.
А я великану за это
Все песни отцовские спел.

О мой благородный и гордый
Заступник, гигант и герой!
В то время ты кончил четвёртый,
А я перешёл во второй.

Сравниются ростом ребята
И станут дружить наравне.
Я вырос. Я кончил девятый,
Когда ты погиб на войне.

Один лишь раз, и то в начале детства,
Мой дядя, тот, погибший на войне,
К нам заезжал. Но до сих пор взглядеться
Могу в его глаза. Они во мне.

Все остальное - облик и слова -
Забыто. Но ещё, припоминаю,
Была трава. Нездешняя трава.
Высокая и тонкая. Лесная.

Должно быть, в лес (он на краю земли
Был для меня) занес меня мой дядя,
И там мы на поляне прилегли,
Счастливые, в глаза друг другу глядя.

И я заметил нити на белках,
И складки век, и редкие ресницы,
И два зрачка, две точки-зеницы,
В двух серых и лучащихся зрачках.

И то, как сам я отразился в них,
И то, как их застлала поволока.
И шевельнулись веки... Только миг
Запомнил я. Одно мгновенье ока.

Нет иллюстрации!

Нет иллюстрации!

Проснувшись, подхожу к окну:
Отец уходит на войну!
Раз-два! Винтовка за спиной.
Уходит, не простясь со мной.
Ещё не явь. Уже не сон.
Отец ушёл на полигон,
Держа подмышкою мишень,
В тот мирный, довоенный день.
1969

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР ВОЙНЫ

Нет иллюстрации!

Шёл первый вечер,
Быть может последней войны.
Как на поминках едим со слезами блины.
Долго сидим, и едим, и глядим на отца.
Тихо, так тихо, что слышно, как бьются сердца.
Сладок чаёк, да на лицах печали печать.
Что ж не приходит рассыльный повестку вручать?
Может, и с этой, как с Первой войны мировой
Или с Гражданской, отец возвратится живой.
Нитки. Иголка. Опасная бритва. Блокнот.
Сборы и правду недолги в далёкий поход.
Выйдет пехота планету спасти и страну.
Как на работу, собрался отец на войну.
1984

КАЛУГА, 1941

Навеки из ворот сосновых,
Веселым маршем оглушен,
В ремнях скрипучих, в касках новых
Ушел знакомый гарнизон.
Идут, идут в огонь заката
Бойцы, румяные солдаты.
А мы привыкли их встречать
И вместе праздничные даты
Под их оркестры отмечать.
Идут, молчат, глядят в затылок,
И многим чудится из них,
Что здесь они не только милых,
А всех оставили одних.
Вот так, свернув шинели в скатки,
Они и раньше мимо нас
Шагали в боевом порядке,
Но возвращались каждый раз.
«И-эх, Калуга!» — строй встревожил
Прощальный возглас. И умолк.
А вслед, ликуя, босоножил
Наш глупый, наш ребячий полк.

ЭШЕЛОНЫ СОРОК ПЕРВОГО

С милым домом разлучённые,
В горьком странствии своём
Пьём мы только кипячёную,
А сырой воды не пьём.
Было нам в то время грозное
Чем залить свою тоску.
Эх ты царство паровозное!
Сколько хочешь кипятку.
Погодите-ка, товарные!
Пей, бригада, кипяток.
Пропустите санитарные
Эшелоны на восток.
Погодите, пассажирские!
Сядьте, дети, на траву.
Воевать полки сибирские
Мчат курьерским на Москву.

....

Нет иллюстрации!

Каждый вечер так было. Заноют, завоют гудки
Женский голос из рупора твердо и строго
Повторит многократно: «Тревога! Тревога! Тревога!»
Суетливые женщины, стайки детей, старики,
Впопыхах что попало схвативши с собою,
В новых платьях, в парадных костюмах, как будто на бал,
Устремлялись толпою
В подвал...
1943

А мы еще вместе.
Но рядом разлука,
Которой нельзя миновать.
Отец не спит, ожидая стука.
Слезы глотает мать.
1943

ПРОВОДЫ

Вспомнил о дяде, об интеллигенте.
Он инженером работал в Ташкенте.
Слышал я, что перед самой войной
Вроде бы он разошёлся с женой.
Жил без вещей на случайной квартире.
Вышел оттуда в военном мундире.
И до трамвая его проводил
Быстрый арык, где он рыбку удил.
А телефонов тогда было мало.
Даже сестра про отъезд не узнала.
Бодрая весточка с передовой
С номером почты его полевой.

1978

БЕЖЕНКИ

Не по-русски, а вроде по-русски.
Необычен распев голосов.
Белоруски они, белоруски –
Из лесов. Из горящих лесов.
Гром войны. Громыханье телеги.
Разбомбленный, расстрелянный шлях.
И на скорую руку ночлеги
В стороне от дороги, в полях.

1943

ЩЕЛЬ

И вновь сквозь стены вой сирен.
Скорей из ненадёжных стен!
С узлами, не застав постель,
На новоселье мчимся в щель.
Ещё в ней запах нежилой:
Землёю пахнет и смолой.
Сидим впотьмах, семья к семье,
На нескончаемой скамье.
Ещё мой малолетний брат
Гадает, приключенью рад,
Что – зажигалка иль фугас? –
Сейчас обрушится на нас.
Неслышно покидаю щель.
Фашистский «юнкерс» ищет цель.
Жужжит меж звёзд. Зенитки бьют.
В кустах кузнечики куют.
1978

Пейзажа не было. Его смели и смяли
И затоптали... Лишь густая пыль
Да медленное умирание солнца.
И снова пыль. И люди, люди, люди.
Стада, телеги – все одним потоком
Катилось. Шумы, окрики, слова
Слились в единый гул, роптавший глухо.
И желтые вечерние лучи
Ложились тяжкими последними мазками
На спины уходящих... Вот когда
Я распростился с детством.
1943

В ЧИТАЛЬНЕ

Нет иллюстрации!

День промелькнул за окнами читальни,
Как будто люди жили без меня.
С вокзала я гудок услышал дальний.
Прошел трамвай, сверкая и звеня.

Вы, делавшие мир светлей и лучше!
Вы, жизнь свою отдавшие борьбе!
Спасите нас! Спасите наши души,
Не дайте утонуть в самих себе.

Не дайте превратиться в жалких тварей,
Каких рождала нищая страна:
В Молчалина, учителя в футляре
Иль пескаря из сказки Щедрина.
1943

СЕРЫЕ И ЧЕРНЫЕ

Нет иллюстрации!

ИЗ РАССКАЗОВ ЗЕМЛЯКОВ

Сначала немцы серые пришли
«Брот! Млеко!» – всю деревню подмели.
«Мы – серые, – один сказал, – зер гут!»
Вот чёрные придут и всё пожгут.
Хотите жить – ночуйте не под крышей!»
И в валенках моих, довольный, вышел.
Мы в снег да в лес. И вот пришли СС.
Что ни изба, то пламя до небес.
Когда ж ушли и чёрные шинели,
Нас на прощанье наши избы грели.
1987

ТАШКЕНТСКАЯ ИДИЛЛИЯ

Нет иллюстрации!

Самых громких книг беззвучный хор
Выбирай, читатель ненасытный!
Тут тебе почтение и простор,
Мальчик из кибитки глинобитной.
С голодухи не хватало сил.
И чтоб крепнул дух в дороге дальней,
Карточку на хлеб я «прикрепил»
В магазине рядом с той читальней.
Хлеб мне отпускают только тут.
Утром голод гонит человека
И туда, где хлеб ему дадут,
И туда, где ждёт библиотека.
Строили роскошный город-сад.
Грянула Вторая мировая.
Пассажиры гроздьями висят
На подножках каждого трамвая.
Но трамвай я вижу, как в кино.
Я атаковать его не буду.
Детям ездить в нем запрещено.
Тиф сыпной свирепствует повсюду.
Взрыв нестрашной шашки дымовой.
За резным порталом – киностудия.
«Дубль второй!» В атаке штыковой
Взвод берёт фашистские орудия.

Слава – дым. Отдаст её герой
И тому, кто роль его играет,
И тому, кто крикнул: «Дубль второй!»,
И кто песни к фильму сочиняет.
Радио. Читает Алимджан.
Мерный голос, добрый, но суровый.
Враг – душман, а Родина – Ватан.
Громче всех звучат два этих слова.
Слава и со смертью примирит.
Что ей краткий век иль суд неправый!
Нет тебя, а голос говорит.
И чем больше бед, тем больше славы.
Как со славой, с книгой встречи ждал,
А с какой, и сам ещё не знаю.
Так в любви: впервые увидал,
А она – на всех родных родная.
Пыль. Жара. Но цель моя близка.
Под мостом Анхор струится с плеском.
Тень акаций. Книг до потолка.
Слава, и любовь, и хлеб с довеском.

1989 («Весь Берестов»)

ПРОЩАНИЕ

**На ветке железнодорожной
У оружейных складов
Поспешно формировался
Секретнейший эшелон.
Но не было в тех вагонах
Ни пушек, ни снарядов,
А были одни пожитки
Солдатских детей и жён.**

**У старшего лейтенанта
Петлицы с тремя «кубарями».
У старшего лейтенанта
Двое детей и жена.
За оружейным складом
Отец прощается с нами.
Ему на войну не ехать.
Сама явилась война.**

**У старшего лейтенанта
С женой разговор бесконечный.
Звучит последняя просьба:
«Себя и детей сбереги!»
Последний уют семейный...
Мы дремлем почти беспечно.
Ведь с нами мама и папа,
И нам не страшны враги.**

**И я под отцовским взглядом
При свете зари проснулся.
Отец мой уже уходит,
Хотя стоит эшелон.
Вдоль ветки железнодорожной
Прошёл и не обернулся.
А если бы оглянулся,
С войны б не вернулся он.
1984**

Нет иллюстрации!

МУЖЧИНА

Отца на фронт призвали.
И по такой причине
Я должен жить отныне,
Как следует мужчине.
Мать вечно на работе.
Квартира опустела.
Но в доме для мужчины
Всегда найдётся дело.
Полны водою вёдра.
Подметена квартира.
Посуду мыть несложно —
На ней ни капли жира.

С трёх карточек талоны
Стригут мне в гастрономе.
Кормилец и добытчик.
Мужчина. Старший в доме.
Я искренне уверен,
Что стал отцу заменой.
Но в жизни той далёкой,
Блаженной, довоенной,
Отец не занимался
Подобными делами.
Мать заменила папу.
Я помогаю маме.
1969 г.

* * *

Нет иллюстрации!

Война соединила двух сестёр,
Друг дружку не выдавших с давних пор.
И обе мамы вдруг помолодели
И на базарах, как девчонки, ели
Рахат-лукум, халву и курагу,
Забыв про возраст и «назло врагу».
И детства вспоминались им детали,
И обе, как девчонки, хохотали.
Но кончился недолгий этот рай.
Дышал бедой и тот блаженный край.
1987

СНЫ СОРОК ТРЕТЬЕГО ГОДА

Руку отбив после пятой попытки,
Ухо опять прижимаю к калитке.
Ну хоть бы кто-нибудь вышел открыть её.
Спит моя мама. Спит общежитие.
Женские, детские сны тыловые.
Мёртвые в них ну совсем как живые.
Там и свиданье, там и застолье,
Дождик грибной и гречишное поле.
Сны-утешители, сны-охранители,
Целых миров – и жиров – заменители.
Что-то запомнится, что-то забудется.
Что-то назавтра всем цехом обсудится.
Что-то исполнится. Что-то не сбудется.
Долго стучусь в тишине полуночной.
Спит при луне переулок восточный.
Что за дома! Ни окна, ни крылечка.
Глина одна да в калитке колечка.
1977

МЕЦЕНАТ СОРОК ПЕРВОГО

Один из них в Ташкенте жил,
Другой приехал из Калуги.
Всё было разное у них,
И только бабушка — одна.
Из писем бабушки своей
Они узнали друг о друге,
А в сорок первом их свела
Отечественная война.
Рассказывает младший брат
Про затемненья и тревоги,
Как с «юнкерсом», таким большим,
Сражался юркий «ястребок»,
Как через город шли стада...
А старший брат, серьёзный, строгий,
Твердит: — Ты это запиши!
Ведь у тебя прекрасный слог!
И горько плачет младший брат,
Услышав горестную сводку.
Он помнит «мессершмиттов» гул
И резкость воинских команд.
А старший на него глядит,
Глядит, как на свою находку,
И радуется, что открыл
(А что вы думали!) талант.

1984

ДОМОЙ

Нет иллюстрации!

Будет день, когда у перрона,
Фыркая, станет поезд мой.
Взбегу по звонким ступенькам вагона.
Гудок прокричит: «Домой! Домой!»
Игрушечно-глиняные кишлаки.
Поля. Тополя. Бесконечные степи.
Дымные контуры горной цепи.
Кофейная гуща бегущей реки.
Степи и горы в зной уплывут.
В пыли растворится последний верблюд.
Сизые кряжи пройдут вдалеке.
Ближе, всё ближе к великой реке.
Скоро там, за стеною лесов,
Напоминая прежние дни,
Вспыхнут знакомых ночных городов
Освобожденные огни.

1943

ТАШКЕНТСКИЙ АДРЕС

«Улица Лабзак. Проезд Уйчи».
– Слушай, мальчик! Письма получи! –
Письма от одних от калужан
Шлют мне фронт, Сибирь и Казахстан.
Только из Калуги ни листка:
Там стоят фашистские войска.
Я уехал первым. Я – связной
У семей, развеянных войной.
В тыл глубокий и в жестокий бой
Адрес мой везли они с собой.
И хранился он, как талисман,
У больших и малых калужан.
С помощью бумаги и пера
Можно много совершить добра.
Листик треугольником сверну
И детей родителям верну.

1984

ВЕСНА В СТАРОМ ГОРОДЕ

Тупики замыкаются слепо,
Где нависли слепые дома,
Глинобитная сбитая крепость,
Замурованной Азии слепок...
На задворках стоит полутьма.
Ветер ветви чинары колышет.
И зеленые плоские крыши,
Как ступеньки, сбегают с холма.
День рождался вместе с апрелем,
Утро стряхивало испуг
Синей ночи. И детским весельем
Разливался флейтовый звук.
Этот воздух, поющий тонко!
Сыплут бубны грохот и звон.
Так приветствовали ребенка.
Нынче ночью родился он.
И какой-то скуластый, бойкий,
Гуттаперчевый акробат
Щелкал пальцами, делал стойки,
На земле расстелив халат.

1957

ПУШКА У ТАШКЕНТСКОГО МУЗЕЯ

Давно уж на кровавой битвы пир
Ее не волокут в упряжке конной.
Давно в земле усатый канонир,
Не пулю, так старостью сраженный.

И зазывая публику в музей,
Для взрослых диво, для детей игрушка,
Лежит на тротуаре у дверей.
И что идет война, не знает пушка.

1942

ТАШКЕНТСКИЕ ТОПОЛЯ

Деревья величавые спилили.
На месте их десяток низких пней.
Вы в виде тополей прекрасны были,
Но стали в виде топлива нужней.

Когда же канет в вечность год печальный
И будет вновь цвести и петь земля,
Не скоро здесь, на улице центральной,
Поднимутся другие тополя.

Тогда померкнут в памяти страданья.
Но иногда в ряду деревьев просвет
Пробудит вновь в душе воспоминанья
О муках пережитых грозных лет.

1942

ПРОГУЛКИ С ЧУКОВСКИМ

Мне четырнадцать лет, а ему шестьдесят.
Он огромен, и сед, и румян, и носат.
Он о сыне скорбит. Я грущу без отца.
Май цветёт. А войне всё не видно конца.
Осторожно мою он решает судьбу
И тревожно глядит на мою худобу.
Завтра утром меня он помчится спасать.
А пока он покажет, как надо писать.
И прочтёт мне стихи, что великий поэт
Сочинил про любовь двадцати семи лет,
Вспомнит то, что меня ещё ждёт впереди.
О поэзия! Души людей береги,
Чтоб нашли в тебе силы и общий язык
Этот хилый мальчишка и крепкий старик.

1984

Нет иллюстрации!

В ЧУКОККАЛУ

Я Тебе, Чуковскому Корнею,
Автору и Деду моему,
Напишу посланье как умею
И размер классический возьму.
Это ты виновен, что в починке
Я пробыл среди больничных стен,
Получил зелёные ботинки,
Гимнастёрку, брюки до колен,
Щёголем с какой-нибудь картинки
Стал я после долгих перемен.
Ты сказал — и сделано. Не странно,
Что всего достичь ты словом мог.
*Ведь в Евангелие от Иоанна
Сказано, что слово — это Бог.
Ташкент, 1943 г.*

ПОБЕГ

Две пачки яичного порошка
Да двадцать четыре коротких стишка
Про детство, войну и весну.
Москва. Вот и я потянулся туда.
Там нового Пушкина ждали тогда.
Ну, значит, я тоже блесну.

Великое время. Поэты тогда
Всходили легко, за звездою звезда.
Уж кто-нибудь чудо свершит.
Пудовкин, мой друг, Эйзенштейну звоня, –
«Вот будущий Пушкин!» – сказал. ...Про меня?
И был я как током прошит.

Я бежал. И грачей я пугал в огороде,
На детдомовских сотках пахал и скородил,
Босиком из последних мальчишеских сил
Для сарая холодную глину месил.

А потом общежитья, раскопки в пустыне.
А стихов моих не было даже в помине,
Лишь туристские песни порой сочинял
Да грустил, вспоминая, как я начинал.
1968

У АХМАТОВОЙ/ АХМАТОВА МОЕЙ ЮНОСТИ

Нет иллюстрации!

О счастье — на рассвете юных дней
Смешить Ахматову, смеяться вместе с ней!
«Нет, совести не видно в вас ни капли,
Ведь я Ахматова, не Чарли Чаплин.
Прочтите обо мне в энциклопедии.
Я склонна к пессимизму и трагедии».
...Тут с Чаплиным особенная связь:
В один и тот же год с ним родилась.
Смех, как и плач, здесь просто неизбежен.
И поводы для них одни и те же.

1991

Это было в начале сорок девятого.
Горбоносой студентки прелестная чёлка.
Я сказал: «Ты похожа на Анну Ахматову!»
А она: «Как не стыдно! Ведь я комсомолка!»

1995

В.Д. Берестов

Портрет Адольфа Гитлера

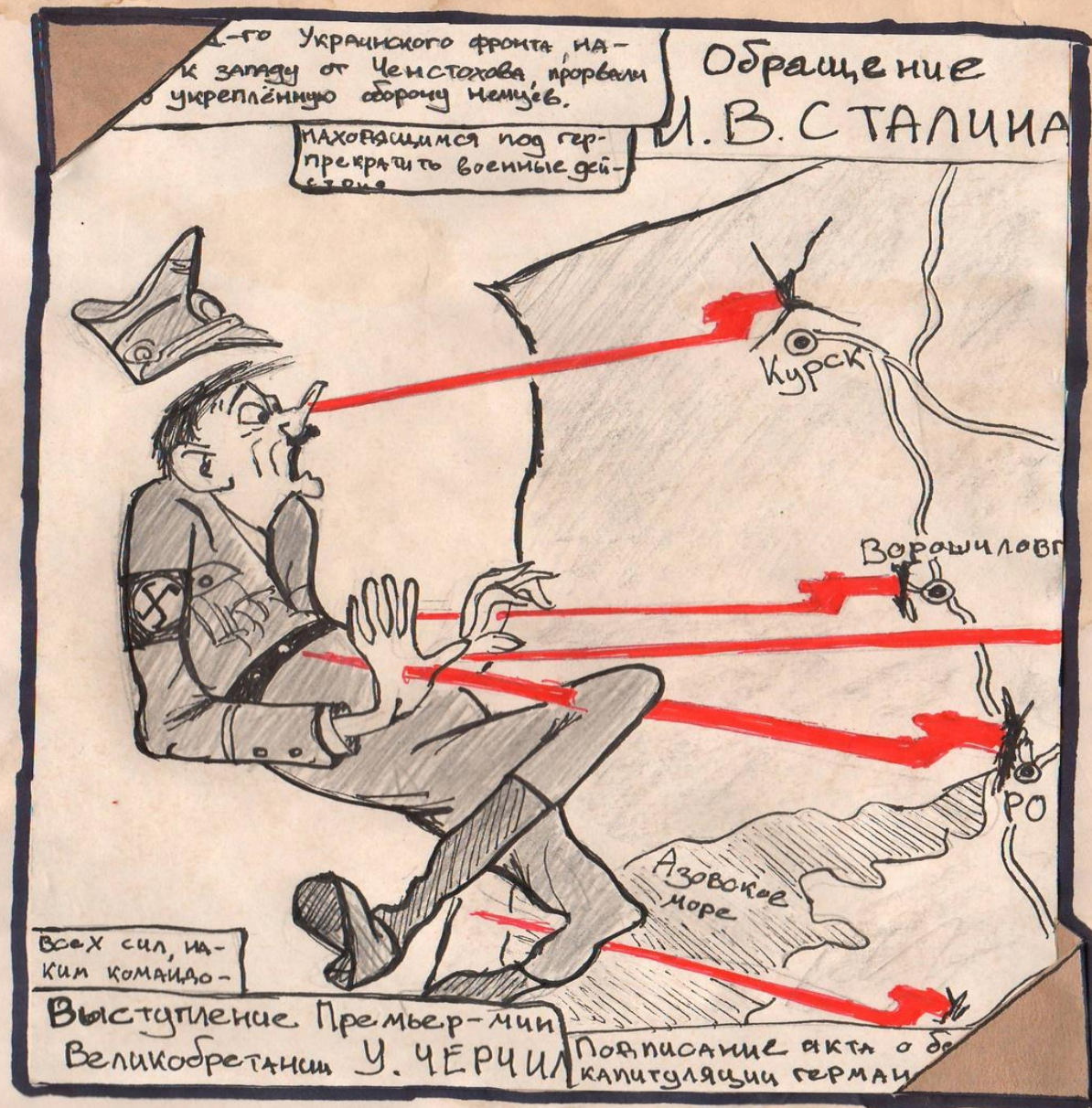
Тогда у нас в любом издании
И на страницах всех газет,
Пожалуй чаще, чем в Германии,
Встречался Гитлера портрет:

Сапожки, ушки и чёлка,
И взгляд затравленного волка,
То фюрера лупил приклад,
То штык ему вонзали в зад.

На разбомблённые кварталы,
На нас, голодных, он, бывало,
Глядел, осклабясь, со стены.

И хохотало, хохотало
Всё население страны.

1972

А КАК МЫ ФРОНТУ ПОМОГАЛИ? / СОРНЯКИ

А как мы фронту помогали?...

А как мы фронту помогали?

Что тут ответить? Мы пахали.

А кто поменьше, те пололи

В сибирском ли, в узбекском поле.

Земной вам поклон, сорняки,

Цепкие корешки.

Поле без нас не скучало.

Поле без нас одичало.

Жизни слепая сила

Над ним сорняки возносила,

Диким взошла урожаем,

Который мы уничтожаем,

Розовый лёсс* обнажаем.

А за нами тянутся робко

Красноногие кустики хлопка,

Благородные, чуть живые

И увиденные впервые.

- *Лёсс – осадочная горная порода светло-жёлтого или палевого цвета.*

1982

СВЯТЛЯЧОК

У меня в руках мохнатый червячок.

Он везёт зеленоватый огонёк.

И зовут его ребята — светлячок.

Так свети же ярче, маленький! Свети!

Жаль, что в детстве не пришлось тебя найти!

Я сказал бы: «Это мой светлячок!»

Я бы взял тебя домой, светлячок.

Положил бы я тебя в коробок,

И уснуть бы я от радости не мог.

Потому ль я не нашёл тебя, что мать

Слишком вовремя укладывала спать?

Потому ли, что трусливым в детстве был

И по лесу вечерами не бродил?

Нет, бродил я, злым волшебникам назло.

Очевидно, мне тогда не повезло.

А потом пришёл пылающий июль.

Грохот взрывов. Блеск трассирующих пуль.

Покидая затемнённый городок,

Потянулись эшелоны на восток.

Потерял я детство где-то на пути...

Так свети же ярче, маленький! Свети!

1955

ТАШКЕНТСКИЙ ДВОРИК

Нет иллюстрации!

В цветы заползают тяжёлые пчёлы.
Как перышко, тополь ушёл в высоту.
Какой-нибудь прутик, корзиночно-голый,
Торчит, чуть заметный, а тоже в цвету.
И маки на плоских на глиняных крышах
Цветут, будто нету им места милей,
И смотрят, смеясь, из-под ног у мальчишек,
Как по небу реет и мечется змей.

1944

ПИСЬМО ОТ БАБУШКИ

Пробудили эти строки
Рой забытых голосов,
Переливчатый, далекий,
Тонкий-тонкий звон часов.
Хорошо, когда приснится
Счастье детского мирка,
Как, любуясь Аустерлицем,
Я водил по половицам
Дутых пуговиц войска,
Как на лаковой иконе
Над кроватями в углу
Лебедями плыли кони
В позолоченную мглу.

1943

В ЭВАКУАЦИИ

Сады оделись раньше, чем листвою,
Кипеньем белых, розовых цветов.
И кровли плоские с зелёною травой
Лужайками висят среди садов.
Арыка волны мчатся торопливо
Поить, и освежать, и орошать.
Плакучая к ним наклонилась ива
И ловит их, и хочет удержать.
А тень, которую она бросает,
Хотели б волны унести с собой.
На облачко похожий, исчезает
Прозрачный месяц в бездне голубой.
Как пышен юг!
Как странно голодать,
Когда вокруг
Такая благодать!
1942. Ташкент

Мы измаялись в разлуке —
Год как с фронта писем нет.
Есть контора в Бузулуке,
Дашь запрос — пришлют ответ.
И ответ чудесный, внятный
Получаем наконец.
Вертим, вертим бланк печатный
На казённый образец...
В списках раненых и павших,
В списках без вести пропавших
Наш не значится отец.
И другие сны нам с братом
Снятся начали с тех пор:
Автомат под маскхалатом,
Партизанский бор, костёр...
И — в каком-то там спецхране,
Что шпиону не прочесть,
Список тех, кто жив, кто ранен,
Про кого доходит весть.
1984

СТОРОЖ МАХАЛЛЯ (КВАРТАЛА)

Нет иллюстрации!

Был он стражем твоим, махалля,
Всем, кто жили в квартале, известным.
День и ночь он давал круголя
По твоим переулочкам тесным.
Иногда отдыхал в чайхане,
Там, где радио вечно звучало,
И на тѣх языках о войне
Вслед за пенъем восточным вещало.
За углом зеленел водоѣм
И чинара над ним вековая.
В старый город и в глиняный дом
Загнала нас война мировая.
За учтивость того старика
Звали женщины-беженки Рыцарь.

Комплиментам с его языка
Всѣ слетать бы, как пчѣлам роиться.
Уделял от своих он щедрот
Нам, голодным, кусочки и крохи
Тех пиров, без которых народ
Не живѣт ни в какие эпохи.
Собирал их на праздниках он,
На семейных, советских, восточных,
В дни рождений в дни похорон,
Да всѣ больше военных, заочных.
Старый Рыцарь обходит квартал.
Кроши хлебав цветастой тряпице.
Он их в мирные дни подбирал,
Чтобы их поклевали бы птицы.

1981

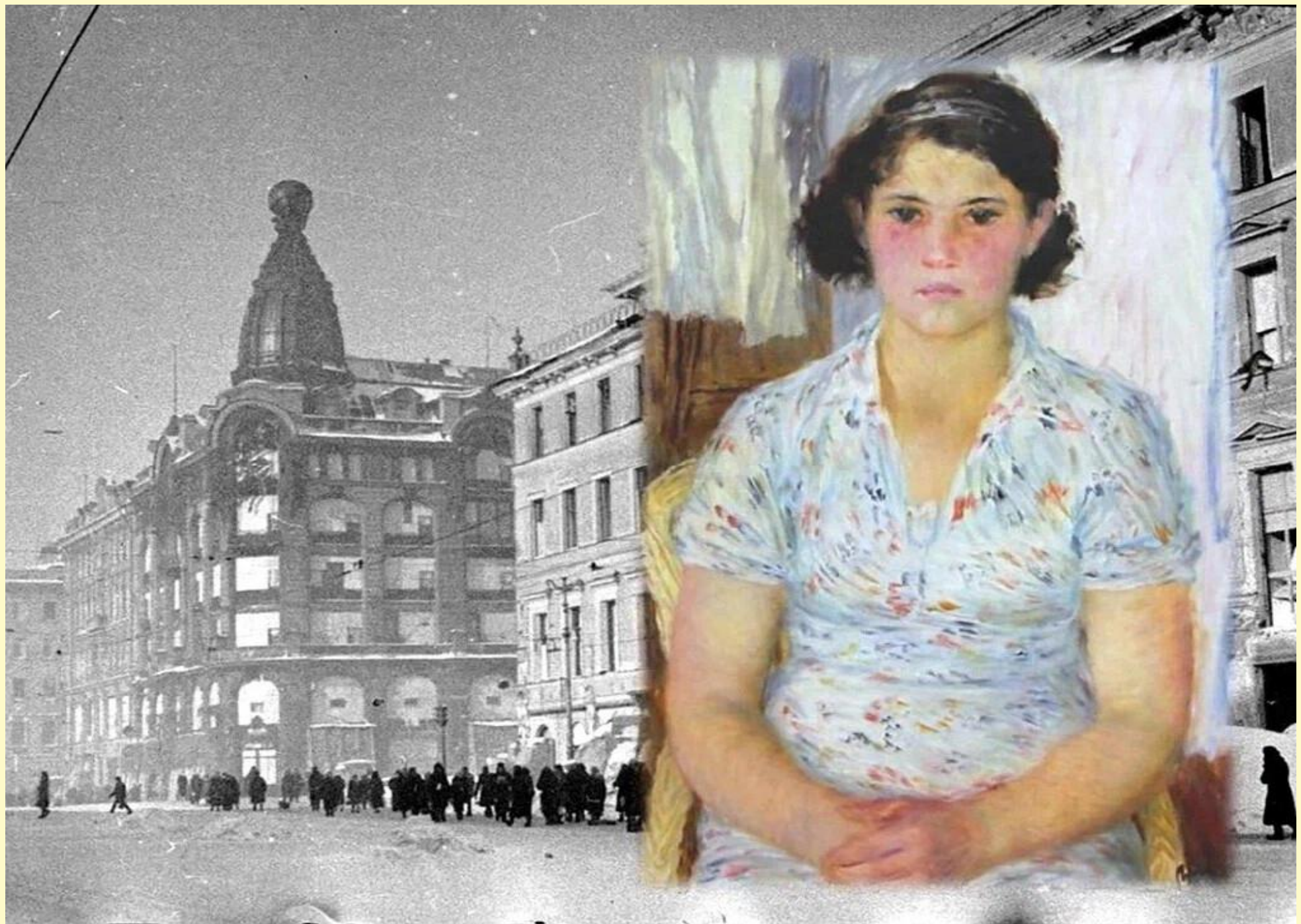
ДВА ДРУГА

Может быть, взрослыми снова расстались
Двое мечтателей – я и ты,
Потому что в детстве не домечтались
До какой-то недетской мечты.

Ведь нас предвоенное время растило.
Дороги не вовремя нас развели.
И, может быть, нескольких дней не хватило,
Чтоб мы до неё домечтаться могли.

ПОРТРЕТ

Блокада. Ночь. Забитое окно,
Мигающих коптилок тусклый свет.
Из мрака возникает полотно.
Художник пишет женщины портрет.
Она сидела, голову склоня,
И думала в голодном полусне:
«Вот я умру... А что-то от меня
Останется на этом полотне».
А он писал в мигании огня
И думал: «На войне как на войне.
Пусть я умру! Но что-то от меня
Останется на этом полотне».
1958 г.

ОТЦУ

Нет иллюстрации!

Отец мой! Ты не шлешь известий
Уж целый год семье родной,
Но дни, когда мы были вместе,
Во сне встают передо мной.
И оживает прожитое: камыш и даль родной реки,
И ты, склонившись над водою,
Глядишь устало в поплавки.
Вновь я, малыш, с тобою рядом
Стою, молчание храня,
А ты таким приветным взглядом
Порою смотришь на меня...
И вновь попутная телега
Стучит, клубится пыль дымком.
И старый конь, устав от бега,
Плетется медленным шажком.
Ни звука тишь не нарушает.
Лишь глупый перепел с утра
Не умолкая повторяет
Все «спать пора» да «спать пора».
И жизнь опять течет сначала,
Все той же радостью полна,
Как будто нас не разлучала неумолимая война.
Как будто были сном кошмарным
Все потрясения и нужда,
А утро светом лучезарным
Их разогнало без труда.
1942

СИРОТСКАЯ ЗИМА

В каком это году? Быть может, в сорок третьем.
Я чистый этот снег увидел или встретил?
Натан Злотников

По нетающему снегу, по блистающему льду,
Как по детству, как по счастью, тосковал я в том году.
Горный ветер, южный город, птицам северным приют
Как бы к голоду да холод, я б, наверно, умер тут.
Бел декабрь без снегопада, без мороза Новый год.
И зима была сиротской во спасение сирот.
В башмачишках из брезента, в тюбетеечке пройду
По военному Ташкенту в наступающем году.
Вспомню ёлки да берёзы, попирая и браня
Ту, без снега и мороза, зиму, спасшую меня.
1984

ШКОЛА, 1942-Й

Тут быть бы живу. Не до жиру.
Везде беда встречала нас.
Но в дни войны был остров мира –
Битком набитый школьный класс.

Урок тянулся монотонно,
И в моде были, как всегда,
Периклов шлем, парик Ньютона
И Льва Толстого борода.

1975

ПРЯТКИ

Снова, как и много лет назад,
Захожу в знакомый двор и в сад.
Двор пустой. И никого в саду.
Как же я товарищей найду?
Никого... А всё же кто-то есть.
Пусто... Но они должны быть здесь.
Раз-два-три-четыре-пять,
Я иду искать!

Я от глаз ладони оторву.
Эй, ребята! Кто упал в траву?
Кто в сарае? Кто за тем углом?
Кто там за берёзовым стволом?
... Я не верю в опустевший двор.
Я играю с вами до сих пор.

1969

ПОВЕСТКА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Окончилась война! Окончилась война!
А нам с тобой повестка вручена.
Мир не видал врачей таких весёлых,
Как эти окулист или ушник,
Как этот балагур-невропатолог.
А тот хирург с медалью? Вот шутник!
Окончена война! Пришли в военкомат.
Военные врачи на нас глядят.
Мы нагишом пред ними представляли,
Ремесленник, механик и студент,
И совершенно не подозревали,
Что это исторический момент.
Окончилась война! Окончилась война!
От смерти наша юность спасена.

Для тех, кто оперирует и лечит,
Для тех, кто нас осматривает тут,
Мы – первые, кого не изувечат,
Мы – первые, которых не убьют.

1976, 1995

МИРНАЯ СЧИТАЛКА

Раз-два-три-четыре-пять!
Всех чудес не сосчитать.
Красный, белый, жёлтый, синий!
Медь, железо, алюминий!
Солнце, воздух и вода!
Горы, реки, города!
Труд, веселье, сладкий сон!
А война пусть выйдет вон!

Нет иллюстрации!

На два дня расставшийся с Москвою,
Я иду по улице своей,
По бульжной, устланной листвою
Низеньких калужских тополей.
Слишком ненадолго отпуская,
Ждёт меня ревнивая Москва.
Помогу отцу пилить дрова
И воды для мамы натаскаю.
1945

Нет иллюстрации!

О этот день, до полуночи утренний!
Вышли на улицы всею Москвой.
Можно ли было ещё целомудренней
По-деревенски встречать торжество!
9 мая 1945

Нет иллюстрации!

ГОДОВЩИНА

Годовщина пришла, годовщина...

Новый, в сущности, день настает,

Но бывшее событие — причина

Наших нынешних дум и забот.

И события особого рода.

Что когда-то запомнил народ,

Потихоньку вплетает природа

В свой таинственный круговорот.

Журнал "Юность" (1970 год, N10)

Нет иллюстрации!

МОСКВА, 1944

«Мне дóроги асфальты матовые...»

Мне дóроги асфальты матовые

И неба злая белизна,

Когда Москву до слез прохватывает

Стекающая с крыш весна.

Еще чуть брезжит вышина,

И чужды ей аэростаты.

А в жизни все еще война,

И рядом с ней идет весна,

И обе молча, как солдаты.

И все еще не дни, но даты,

Затишье, но не тишина.

1944

Нет, слово «мир» останется едва ли,
Когда войны не будут люди знать.
Ведь то, что раньше миром называли,
Все станут просто жизнью называть.
И только дети, знатоки бывшего,
Играющие весело в войну,
Набегавшись, припомнят это слово,
С которым умирали в старину.

1957

Стихотворения В.Д. Берестова о Великой Отечественной войне

Название

Первая строчка

Годовщина

«Годовщина пришла, годовщина»

Домой

«Будет день, когда у перрона...»

«Ей дали порядковый номер...»

«Идя из школы после третьей смены...»

Калуга, 1941 Ч1.

«Навеки из ворот сосновых...»

Калуга, 1941 Ч2.

«Каждый вечер так было...»

Калуга, 1941 Ч3.

«А мы еще вместе. Но рядом...»

Калуга, 1941 Ч4/Беженки

«Не по-русски, а вроде по-русски...»

Калуга, 1941 Ч5

«Пейзажа не было. Его смели и смяли...»

Крест-накрест

«Полоски из бумаги мать резала красиво...»

Стихотворения В.Д. Берестова о Великой Отечественной войне

Название

Костик

Меценат сорок первого

Мир

Москва, 1944

Мужчина

Отцу

Первый вечер войны

Письмо от бабушки

Побег

Повестка после победы

Первая строчка

«Кто помнит о Костике, нашем двоюродном брате...»

«Один из них в Ташкенте жил,...»

«Нет, слово «мир» останется едва ли..»

«Мне дороги асфальты матовые...»

«Отца на фронт призывали...»

«Мы измаялись в разлуке...»

«О этот день, до полуночи утренний!»

«Один лишь раз, и то в начале детства...»

«Отец мой! Ты не шлешь известий...»

«Шел первый вечер, быть может, последней войны...»

«Пробудили эти строки...»

«Две пачки яичного порошка...»

«Мир не видал врачей таких веселых..»

Стихотворения В.Д. Берестова о Великой Отечественной войне

Название

Первая строчка

Портрет

«Блокада. Ночь. Забитое окно...»

Портрет Адольфа Гитлера

«Почти на каждом крупном здании...»

Проводы

«Вспомнил о дяде, об интеллигенте...»

Прогулки с Чуковским

«Мне четырнадцать лет, а ему шестьдесят...»

«Проснувшись, подхожу к окну...»

Прощание

«На ветке железнодорожной у оружейных складов...»

Прятки

«Снова, как и много лет назад...»

Путь в читальню

«Там великих книг неслышный хор...»

Пушка у Ташкентского музея

«Давно уж на кровавой битвы пир...»

Роковая чаша

«Война! Секирой над головой...»

Рубаха

«Родители-то разные, а бабушка одна...»

Светлячок

«У меня в руке мохнатый червячок...»

Стихотворения В.Д. Берестова о Великой Отечественной войне

Название

Из рассказов земляков

Сиротская зима

Сны сорок третьего года

Сорняки

Сторож Махалля (квартала)

Ташкентский адрес

Ташкентский дворик

Ташкентская идиллия

Ташкентские тополя

У Ахматовой

Школа, 1942-й

Щель

Эшелоны сорок первого

Первая строчка

«Сначала немцы серы пришли...»

«По нетающему снегу...»

«Руку отбив после пятой попытки...»

«А как мы фронту помогали?»

«Был он стражем твоим, махалля...»

«Улица Лабзак, проезд Уйчи...»

«В цветы заползали тяжелые пчелы...»

«Самых громких книг беззвучный хор...»

«Деревья величавые спилили...»

«О счастье – на рассвете юных дней...»

«Тут быть бы живу. Не до жиру..»

«И вновь сквозь стены вой сирен...»

«С милым домом разлученные...»